

УДК 398.1(470.57)

DOI 10.25587/SVFU.2023.23.83.004

*И. К. Фазлутдинов¹, И. И. Фазлутдинов²*¹Уфимский университет науки и технологий²Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

САКРАЛЬНЫЕ КУЛЬТЫ В ПРЕДАНИЯХ ОБ ИСТОРИЯХ СЕЛ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО БАШКОРТОСТАНА

Аннотация. Предания об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана характеризуются сильным влиянием традиций, сюжетов и мотивов как татарской, так и башкирской устной несказочной прозы, что обусловлено многовековым соседством представителей двух народов на данной территории. Мотив происхождения географического названия во многих таких произведениях является сюжетообразующим. К сожалению, ареал бытования, исторические основы, мифологические корни, сюжетный состав, региональные и локальные особенности преданий об историях сел и деревень остаются до сих пор недостаточно исследованными. Особый интерес представляет изучение проблемы наречения деревень с точки зрения сочетания в нем историзма и мифологических традиций, а именно, сакральных культов, отражающих в себе анимистические, тотемистические и фетишистические верования древнего населения региона. Актуальность представленной статьи определяют именно эти факторы. Научная новизна предлагаемой работы – впервые предпринята попытка системного анализа мотивов «дарение земли первопоселенцам животными – хозяевами местности», «строительной» и «заместительной» жертвы, «божественного предопределения» или «знака» на фольклорном материале башкирского и татарского населения северо-западного Башкортостана. Цель предлагаемой работы – анализ особенностей отражения сакральных культов в преданиях, их функциональной роли в процессе именования деревень. Для её достижения нами проведен обзор специальной литературы по теме, определена источниковедческая база, выявлены основные сакральные культы в фольклоре исследуемого региона, проведен их диахронный анализ. В своей работе авторы придерживаются сравнительно-исторического и историко-типологического методов исследования с элементами герменевтики. Авторы приходят к выводу о том, что данные произведения являются синтезом анимистических, тотемистических и антропоморфических воззрений народа с его реальной историей, по причине чего предания об историях сел и деревень приобретают легендарный характер.

Ключевые слова: предание; мифология; анимизм; тотемизм; антропоморфизм; мотив; трансформация; «строительная жертва»; культ животного; «божественный знак»; название села; демифологизация.

Благодарности: Исследование выполнено за счет Молодежного научного гранта Академии наук Республики Татарстан (договор № 19-59-яГ от 11.05.2023).

ФАЗЛУТДИНОВ Ильдус Камирович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры татарской филологии и культуры Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия. ORCID: 0000-0002-6491-9863.

E-mail: fazlutdinov75@mail.ru

FAZLUTDINOV Ildus Kamilovich – Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Tatar Philology and Culture, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. ORCID: 0000-0002-6491-9863.

E-mail: fazlutdinov75@mail.ru

ФАЗЛУТДИНОВ Ильназ Ильдусович – аспирант отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия. ORCID: 0000-0003-2676-9750.

E-mail: fazl97@mail.ru

FAZLUTDINOV Ilnaz Ildusovich – postgraduate student, Department of Folk Art, G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia. ORCID: 0000-0003-2676-9750.

E-mail: fazl97@mail.ru

I. K. Fazlutdinov¹, I. I. Fazlutdinov²

¹Ufa University of Science and Technology

² G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Sacred cults in the legends about the histories of villages in northwestern Bashkortostan

Abstract. Legends about the histories of villages in northwestern Bashkortostan are characterized by a strong influence of traditions, plots and motifs of both Tatar and Bashkir oral non-narrative prose, which is due to the centuries-old neighborhood of representatives of the two peoples in this territory. The motif of the origin of the geographical name in many such works is plot-forming. Unfortunately, the area of existence, historical foundations, mythological roots, plot composition, regional and local features of legends about the stories of villages are still insufficiently researched. Of particular interest is the study of the issue of naming villages from the point of view of its combination of historicism and mythological traditions, namely, sacred cults reflecting totemic, animistic and fetishistic beliefs of the ancient population of the region. The relevance of the presented article is determined by these factors. The novelty of the proposed work is that for the first time an attempt has been made to systematically analyze the motifs of “donation of land to the first settlers by the animals – owners of the area”, “construction” and “substitute” sacrifice, “divine predestination” or “sign” on the folklore material of northwestern Bashkortostan. The purpose of the proposed work is to analyze the features of the reflection of sacred cults in legends, their functional role in the naming of villages. To achieve it, we conducted a review of the special literature on the topic, determined the source base, identified the main sacred cults in the folklore of the studied region, conducted their diachronic analysis. In their work, the authors adhere to comparative-historical and historical-typological research methods with elements of hermeneutics. The authors come to the conclusion that these works are a synthesis of totemic, animistic and anthropomorphic views with the real history of the people, which is why the stories of villages acquire a legendary character.

Keywords: legend; mythology; animism; totemism; anthropomorphism; motif; transformation; “construction sacrifice”; animal cult; “divine sign”; village name; demythologization.

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of the Youth Scientific Grant of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (agreement No. 19-59-YaG dated 11.05.2023).

Введение

Происхождение названий сел и деревень в филологической науке изучается в нескольких аспектах. Лингвисты, например, при исследовании номинативной функции языка, относят его к явлениям «вторичной номинации». Суть данного явления заключается в том, что функциональная нагрузка давно существующих в языке лексических средств меняется, «переходя в новое смысловое содержание» [1, с. 129]. Таким образом, «формирование смысла нового наименования протекает здесь под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, которое детерминирует характер отображения действительности в новом отношении именования, задавая тот или иной ракурс её рассмотрения, и тем самым также опосредуя это отображение» [1, с. 130]. Предания об историях сел и деревень, на наш взгляд, являются наиболее ярким художественным отображением данного процесса в сознании народа.

К сожалению, до последнего времени научным анализом происхождения названий сел и деревень занимались в основном ученые-языковеды, в частности, башкирские лингвисты Ж. Г. Киекбаев [2], Р. З. Шакуров [3; 4], Ф. Г. Хисамитдинова [5], А. А. Камалов и Ф. У. Камалова [6]. Историческая основа процесса возникновения названий сел и деревень северо-западного Башкортостана исследовалась башкирским ученым А. З. Асфандияровым [7]. Основное внимание в их трудах уделялось научной этимологии того или иного географического наименования. Толкование названия села с точки зрения его жителей, исходя из их жизненного опыта и собственного видения своей истории, отходило на второй план, хотя, как признают исследователи, «одним из важных источников изучения древнейшей и древней истории любого народа

являются его мифы, легенды и исторические предания» [8, с. 86]. Лишь в 70-х гг. прошлого века специальный анализ происхождения названий сел и деревень в контексте изучения русских преданий начала Н. А. Криничная [9]. На материале башкирских преданий данная работа была проведена Ф. А. Надршиной [10; 11].

Мотив происхождения географического названия Н. А. Криничная называет «топонимическим мотивом» и рассматривает его в рамках цикла преданий о заселении и освоении края, «где он играет иногда сюжетобразующую роль» [9, с. 70].

На материале русских и башкирских преданий выделяются три версии данного мотива:

- 1) происхождение географического названия от имени, прозвища, а впоследствии и фамилии первого поселенца или владельца местности [9, с. 70; 11, с. 543];
- 2) происхождение названия селения от наименования местности, в которой оно было основано [9, с. 71; 11, с. 544];
- 3) географическое название связано с этническим происхождением переселенцев [9, с. 73–74; 11, с. 544].

По мнению Н. А. Криничной, «топонимический мотив, основанный на народной этимологии, обычно не соотнобразуется с историческими, этнографическими, географическими фактами и законами лингвистики. Однако в самих этих несообразностях как раз и кроются особые возможности для зарождения и развития сюжета преданий» [9, с. 77].

Примечательной особенностью преданий об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана «является исторически закономерное целостное сочетание и взаимодействие в них разных этнических традиций» [12, с. 5], в частности, татарских и башкирских, обусловленных смешанным характером жителей большинства населенных пунктов. Наряду с историческими фактами, в данных произведениях огромную роль играют мотивы, основанные на антропоморфических, анимистических и тотемистических воззрениях народа. Это доказывает справедливость утверждения Н. А. Криничной о том, что «в преданиях, содержащих народную этимологию топонимов, наблюдается принцип совместимости несовместимого: вымысла, нередко заключающего в себе трансформацию мифологических представлений и реальных фактов», что «обусловлено стремлением придать вымыслу достоверность» [9, с. 76]. С течением времени мифологические представления трансформируются, приспособляясь к исторической ситуации, обретают новое «реалистическое» содержание.

Основной целью предлагаемой статьи является исследование анимистических и тотемистических мотивов в преданиях об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана, их взаимосвязи с историческими фактами, в контексте изучения преемственности мифологических традиций в устной несказочной прозе населения данного региона. Источниковедческой базой являются материалы, опубликованные нами в книге «Башкортостан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, сөйләкләр» («Фольклор татар Башкортостана: предания, легенды, былички, устные рассказы» [13] и трех сборниках серии «Башкортостан татарлары фольклоры» («Фольклор татар Башкортостана») [14; 15; 16].

Как известно, в древности каждое природное явление по-своему интерпретировалось человеком, выискивалась его потаенная связь с реальной действительностью. Именно поэтому предания, объясняющие происхождение названий сел и деревень северо-западного Башкортостана, характеризуются многообразием мотивов, основанных на мифологических воззрениях населения данного региона. На наш взгляд, по характеру сюжетобразующих мотивов их можно объединить в две основные группы:

- 1) предания, основанные на культе животного и живой природы;
- 2) предания, основанные на различных версиях мотива о «божественном предопределении».

Кульм животнот в преданиях об историях сел и деревень

Особое место в пантеоне мифологизированных образов, относящихся к данному культу, занимает образ коня. Как отмечает татарский ученый Фатих Урманче, «если вначале конь играл

серьезную роль в формировании тотемистических воззрений, то впоследствии он поднялся до уровня языческого божества. В мифологии и фольклоре тюрко-монгольских народов находят отражение различные этапы этого многовекового процесса» [17, с. 124]¹.

Не являются исключением и предания об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана. По мнению башкирского фольклориста Ф. А. Надршиной, «мотив освоения новых земель в большинстве преданий основан на традиционном приеме: сыновья такого-то человека (они обычно выступают как два, три, пять братьев), отправившись на поиски пропавших домашних животных, основывают поселение на плодородной земле, где они остановились, и расселяют племя» [18, с. 194]².

Так, в предании об истории села Ярмухаметово Туймазинского района Республики Башкортостан [14, с. 36–37] рассказывается о том, что «у одного из башкир, живущего на берегу реки Ай, пропал конский табун», в поисках которого «два человека прибыли на наши края» и увидели, как «лошади пасутся на плодородном, богатом травой месте». Оно так понравилось пришельцам, что мужчина по имени Ярмухамет решил переселиться сюда и, основав новую деревню, назвал её своим именем.

Один из вариантов предания об истории села Верхние Киги Кигинского района [15, с. 40] имеет похожий сюжет. Здесь описывается, как один «бедный юноша» по имени Кигир потерял свою лошадь и от безысходности устроился погонщиком табуна. Но на стадо напала стая волков и растерзала несколько животных. Скрываясь от народного гнева, Кигир «забрел в наши края» и, «бродя по лесу, увидел пасущийся табун. Вдруг одна из кобыл подошла к нему. Это была пропавшая лошадь Кигира. Парень построил здесь дом, создал семью». Таким образом, в обоих преданиях «домашний скот находит своим хозяевам благодатное место для поселений» [18, с. 194]³. Это служит наглядным доказательством сакрального значения коня для древнего населения исследуемого региона. Здесь нужно отметить, что поиск пропавшего коня и после его нахождения образование на этом месте поселения – весьма распространенный мотив башкирского фольклора, который практически не встречается в репертуаре казанских татар.

В истории села Бузат Стерлибашевского района [19, с. 423] на передний план выходит мифологическая составляющая образа коня, историческая основа является лишь фоном для развития сюжета произведения. Первопоселенцы, встретив на новом месте перезимовавшую здесь свою больную лошадь, воспринимают это как чудо, как знак божественного предопределения, указывающий им, что поселение, основанное здесь, будет пользоваться особым покровительством высших сил. Отнюдь не случайно и подчеркивание информантом масти коня: «Это был белосивый конь. Радуюсь его выздоровлению и благополучной зимовке, первопоселенцы решили назвать новую деревню Акбузат» («акбузат» в переводе на русский означает «конь бело-сивой масти». – *И. Ф.*).

Ф. А. Надршина, анализируя башкирский эпос «Урал-батыр», приходит к выводу о том, что Акбузат здесь выступает как обожествленное священное животное, родившееся и выросшее на Небе и обладающее всеми признаками демиурга – создателя Земли и Воды [18, с. 117]. Такого же мнения придерживается и Ф. И. Урманчеев [20, с. 309]. Татарский писатель-мифолог Г. Х. Гильманов считает Акбузат символом Солнца: «По древнему поверью, человек, сумевший подчинить и обуздать Акбузата, способен достичь священной цели – спуститься под землю, перенестись через огненные горы, за одну ночь добраться до края света» [21, с. 55]⁴, то есть повторить путь небесного светила.

В приведенных выше преданиях мы можем отметить процесс демифологизации данного образа, выражающуюся в его постепенной трансформации в верного спутника и помощника

¹ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

² Перевод с башкирского языка на русский произведен автором статьи.

³ Перевод с башкирского языка на русский произведен автором статьи.

⁴ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

человека, хотя признаки его мифологической принадлежности все еще сохраняются. Акбузат, являющийся персонажем башкирского фольклора, здесь выступает как личный тотем первопоселенца, «который является его покровителем, предостерегает о грядущей опасности и т. д.» [22, с. 306–307]. Таким образом, налицо подчинение древних мифологических воззрений народа под его вполне практические материальные потребности. В то же время наличие культа коня, на наш взгляд, может косвенно указывать и на древность данного поселения, на то, что оно было основано еще в эпоху господства мифологических представлений в народном сознании. Как пишет Н. А. Криничная, «не только славяне, но и германцы, и финно-угры приписывали коню отвращающую от всего злого божественную силу и заручались через него благословением богов на предстоящее дело» [9, с. 50].

Это означает, что конь, встретивший хозяев на новом месте – это уже не просто обычное домашнее животное, а хозяин этих земель, посредник, передающий волю высших сил переселенцам. В сознании первопоселенцев он приобретает сакральный характер, становится тотемом, способным управлять будущим людей, поселившихся на его землях. Увековечив его имя или масть в названии села, люди стремятся заручиться его божественным покровительством. Таким образом, приведенное выше предание, во-первых, является отражением зооморфных и антропоморфных представлений народа; во-вторых, раскрывает реальные жизненные потребности жителей села. С течением времени происходит демифологизация образа Акбузата; он утратив многие свои мифологические атрибуты, превращается в обычного земного коня – неразлучного спутника человека, его опору, что и отразилось в истории села Бузат.

Нужно отметить, что конь не является единственным сакральным животным, нашедшим отражение в названиях сел и деревень Башкортостана и сопутствующих им преданиях. Так, в истории села Чуюнчи-Чупаново Зилаирского района [13, с. 52–54], расположенного на юго-востоке Башкортостана, отчетливо проявляется культ барана. Как и в вышеприведенном предании об истории села Бузат Стерлибашевского района, сюжетобразующим здесь является мотив «встреча первопоселенцев на новом месте с перезимовавшим здесь домашним животным». Сообщая о том, что «башкиры близлежащих деревень называют наше село Каратяки («каратяки» в переводе на русский означает «черный баран». – *И. Ф.*)», информант поясняет: «На этом месте было летнее пастбище Чупан-бая. Когда настала осень, всю домашнюю скотину загнали в его усадьбу, но один из баранов, по какой-то причине отделился от стада. Перезимовав под скирдой сена, он весной снова встретил своих хозяев. Отсюда и пошло древнее название села» [13, с. 53]¹. Таким образом, выживание домашнего животного в экстремально-суровых зимних условиях и встреча им следующей весной своих старых хозяев, воспринимается людьми как божественное предзнаменование; происходит сакрализация образа барана как посредника, передающего волю высших сил людям, в результате которой он увековечивается в названии поселения.

В то же время один из вариантов предания об истории села Карамалы-Губеево Туймазинского района [14, с. 32], наоборот, может служить примером демифологизации образа «священного животного». Оно также построено на традиционном мотиве – о потерявшемся домашнем животном, нашедшем хозяевам новое место для поселения. Но, в отличие от предыдущих преданий, такое место людям указывает не живое, а мертвое животное. По преданию, когда-то в соседней деревне пропал один черный бык, и у протекающей рядом реки была найдена лишь его шкура, в связи с чем жители дали реке название Карамалы («кара мал» в переводе на русский означает «домашнее животное черного цвета». – *И. Ф.*). Построенное рядом «село тоже стало называться Карамалы-Губеево». Информант приводит только это объяснение ойконима, хотя и в башкирском, и в татарском языке слово «карама» выступает также в значении названия дерева «вязь». Таким образом, по канонам научной этимологии ойконим «Карамалы-Губеево»

¹ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

должен означать «деревня Губеево, где растет много деревьев карама (вязь)». Но, как показывает данный пример, фольклорное мышление народа не всегда подчиняется законам лингвистики. Можно предположить, что это предание возникло позже вышепредставленных образцов, в период разложения древних мифологических представлений. Тот факт, что в месте основания села якобы была найдена только шкура быка, свидетельствует о том, что традиционный мотив претерпел качественную трансформацию – утратил божественные качества и приблизился к реальной жизни.

Мотив принесения «строительной жертвы» на месте основания поселения своими корнями также восходит к мифологическим представлениям, связанным с обожествлением животных. Как отмечает Н. А. Криничная, «такой жертвой, как правило, является первый, кто оказывается на месте строительства <...> – это избранник божественных сил. <...> В эпических произведениях жертвой становится самая красивая девушка, любимая жена, молодая мать и т. д.» [9, с. 56–57]. «По древним представлениям, сооружение наследует все те качества, которыми при жизни обладала жертва» [9, с. 59].

Татарский фольклорист С. М. Гилязутдинов подчеркивает сюжетообразующую роль данного мотива среди преданий об основании города Казань. В преданиях «Елан тау» («Змеиная гора») [23, с. 49–50] и «Умартачы кызы» («Дочь пасечника») [23, с. 50–51] «хан дает распоряжение построить крепость. По его повелению, строители обязаны захоронить первого встречного под фундаментом. Но таковым оказывается сын хана, и поэтому мастера зарывают вместо него собаку, из-за чего предания предрекают будущее падение Казани» [24, с. 24]. Таким образом, принесение «строительной жертвы» в древнем обществе считалось обязательным, а нарушение этого условия могло привести к неминуемым бедам. По утверждению Э. Тайлора, этот обряд «не только действительно существовал в древние времена, но долго удерживался и в европейской истории» [25, с. 87], что обуславливает его живучесть в фольклорной традиции.

Отметим, что «в поздних произведениях обряд жертвоприношения претерпевает значительную трансформацию: из священного и необходимого действия он в силу утраты прежних верований превращается в бессмысленное человекоубийство» [9, с. 59], что выражается в появлении образа «заместительной жертвы», каковыми могут служить ягненок, лошадь или черный петух [25, с. 87]. Нужно подчеркнуть, что «жертвенным всегда было лишь священное животное, которое по своему назначению в данном обряде в известном смысле приравнивалось к человеку» [9, с. 58].

Отражение данного обряда можно обнаружить и в преданиях об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана. Так, в истории села Бишкураево Илишевского района [16, с. 39] духам земли приносится в жертву пять петухов, а в истории деревни Каратыки Кушнаренковского района [13, с. 71] – черный баран. Данные ойконимы полностью повторяют названия жертвенных животных: заимствованное с персидского языка слово «кураз» означает «петух» («бишкураз» в переводе на русский означает «пять петухов». – *И. Ф.*); а «Кара тэкэ» – «черный баран». Выбор первопоселенцами «заместительной жертвы» не случаен. Как отмечает Г. Х. Гильманов, и петух, и баран у древних тюрков символизировали Солнце [21, с. 44–49]. Можно предполагать, что принесение в жертву сакрального животного явилось не только трансформацией человеческой жертвы, но, обусловленное тотемистическими представлениями, могло предшествовать ей. Придание новой деревне имени тотемного животного служит здесь своеобразным «оберегом» от злых духов и природных напастей. Данный обряд «совершенно очевидно имеет своей целью либо умиловление жертвой духов земли, либо превращение души самой жертвы в покровительствующего демона» [25, с. 87].

Мотив «получение земли в дар от животных – “хозяев местности”» в преданиях олицетворяет в себе всю полноту и, в то же время, самобытность тотемистических и антропоморфических воззрений населения той или иной деревни. В зависимости от их тотемистических представлений, образы «хозяев местности» получают воплощение в различных представителях дикой

природы, но объединяющим для них является тот фактор, что все они первыми встречают поселенцев на новом месте. Таковыми являются голуби (село Кугарчен-Буляк Шаранского района) [14, с. 39–40], медведи (деревня Айбуляк Янаульского района) [15, с. 55–56], кабаны (деревня Старокабаново Краснокамского района) [15, с. 37], дикие гуси (село Чукадытамак Туймазинского района) [14, с. 37]. В древнем сознании они выступают как посланцы сверхъестественных божественных сил, и потому использование названий таких животных в качестве наименования нового поселения, с одной стороны, является проявлением благодарности людей, с другой, воплощением их надежд на благополучную жизнь на этой конкретной территории.

Мотивация к выбору места для нового поселения может проявляться по-разному. Так, в предании об истории села Кугарчен-Буляк Шаранского района Республики Башкортостан в роли божественных посланцев выступают голуби. «Заметив изможденных людей, тащущих за собой тележки, они с вершины одинокого дуба поднялись на небо и, воркуя, стали кружить над ними, как бы говоря: “Добро пожаловать! Не уходите отсюда! Пусть эта земля будет вам подарком от нас!” Переселенцы остановились и, решив, что птицы не хотят отпускать их от себя, решили здесь обосноваться. По словам моей бабушки, так и возникла деревня Кугарчен-Буляк («кугәрчен-бүләк» в переводе на русский означает «голубиный подарок». – *И. Ф.*)» [14, с. 39]¹.

Выбор голубя в качестве божественного посланца не случаен. По мнению исследователей, голуби в древнем сознании «выполняли» роль послов между духами земли и неба» и считались «птицами-шаманами» [21, с. 189–190]. Наделяя их антропоморфными качествами – мышлением, способностью разговаривать, сопереживать, народ как бы подчеркивает их божественное предназначение. Воркование голубей, их кружение над первопоселенцами воспринимаются как знак того, что жизни людей на новом месте обеспечено покровительство высших сил, и потому она сложится удачно. Таким образом, предание в полной мере является отражением тотемистических воззрений народа.

Добавим, что культ голубя отчетливо проявляется в обрядовой поэзии башкирского и татарского народов, в свадебных песнопениях, во многих сказках и дастанах. «Во всех из них голубь выступает в роли символа сострадания, мира и, главным образом, чистой любви» [26, с. 174]².

Другим «дарителем» новых земель первопоселенцам является медведь. Предание об истории села Айбуляк Янаульского района Республики Башкортостан, на первый взгляд, построено на обычном бытовом мотиве. Здесь сообщается о том, что при строительстве деревни был вырублен окрестный лес и «все медведи разбежались», а некоторых из них «жители выловили и убили» [15, с. 55–56]. После этого поселение получило название Айбуляк («айбүләк» в переводе на русский означает «дар медведей». – *И. Ф.*). При детальном рассмотрении, наряду с бытовой, можно выявить и мифологическую составляющую данного предания, а именно, отголоски культа медведя. Как пишет Ф. А. Надршина, «в результате описания и изучения фольклорного материала народов разных континентов, была установлена древность и разноплановость мотивов, связанных с медведем. Обобщив их, его образ и роль можно представить следующим образом: медведь – божественное существо; культурный герой, несущий добро людям (например, угры Приобья, ненцы, считают медведя священным животным, подарившим им огонь); зачинатель той или иной традиции; тотем, продолжающий род; хозяин подземного мира; жертвенное животное; человек в облике медведя; помощник шамана и многое другое» [18, с. 105]³.

И в приведенном выше предании медведь выступает в роли «культурного героя, несущего добро людям». Наличие этиологического мотива «о дарении медведями земли первопоселенцам», само по себе свидетельствует о том, что жители деревни на протяжении веков поклонялись медведю, наделяя его антропоморфными качествами. С развитием общественного сознания, этот древний мотив претерпел демифологизацию и стал выполнять исключительно

¹ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

² Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

³ Перевод с башкирского языка на русский произведен автором статьи.

эстетическую функцию. Таким образом, на наш взгляд, предание, основанное первоначально на культе медведя, утратило свою первоначальную форму и приобрело «бытовое» содержание. В то же время название села Айбуляк хранит в себе отголоски мифологических воззрений предков его жителей.

Этиологический мотив «название деревни именем первого встретившегося здесь на охоте дикого животного» тождественен анализируемому выше мотиву «встреча первопоселенцев на новом месте с перезимовавшим здесь домашним животным». И тот, и другой основаны на тотемистических воззрениях народа, разница лишь в характере встретившегося первым животного. Так, в истории села Иске Кабан (в переводе на русский – Старокабаново. – *И. Ф.*) Краснокамского района мотивация к поиску названия деревни предопределена заранее – номинативную функцию выполняет первый добытый здесь дикий зверь: «Охотники заранее условились назвать деревню именем первого добытого здесь животного, <...> им встретился кабан. Так и назвали деревню» [15, с. 37]¹.

В предании об истории села Чукадытамак Туймазинского района такую функцию выполняет уже дикая птица: три переселенца, остановившись передохнуть у родника, подстреливают здесь трех диких гусей и, «недолго думая, решают обосноваться здесь, назвав деревню именем своей первой добычи – *Өч казы*» [14, с. 37], что в переводе на русский означает «Три гуся».

В преданиях указанного типа первым встретившийся на новом месте или ставший первой добычей поселенцев зверь рассматривается как хозяин этих земель. Его увековечение в названии поселения подчеркивает неслучайный характер этой встречи, наделяет его качествами тотемного предка, способного управлять будущим людей, поселившихся на данной местности. В то же время, зверь, первым добытый охотниками на новых землях, может рассматриваться и в качестве своеобразного олицетворения «строительной (“заместительной”) жертвы», так как он «находится в типологическом ряду функционально тождественных» [9, с. 60] мотивов. Лишь с течением времени и развитием общественного сознания, происходит постепенная их демифологизация: «мифологические сюжеты в народном сознании превращаются в сказку или легенду, а тотемы – в художественные образы» [27, с. 61]². Таким представляется нам процесс генезиса преданий, основанных на культе животного мира.

Мотив «божественного предопределения» в преданиях об историях сел и деревень

Суть данного мотива, восходящего своими корнями к древним сакральным культам, заключается в том, что высшие силы посредством магического знака указывают переселенцам место для поселения, и это событие становится определяющим в поиске его названия. Одним из таких знаков может считаться раскол тележной оси переселенцев на месте будущего поселения. Данный мотив находит свое отражение в предании об истории деревни Янаул Чишминского района [13, с. 97], расположенного в центре Республики Башкортостан. Здесь сообщается древнее название деревни – Кучарсынды (в дословном переводе на русский сочетание «*күчәр сынды*» означает «ось колеса сломалась». – *И. Ф.*) и объясняется народная этимология данного ойконима.

Выход из строя тележной оси уже заранее воспринимается переселенцами как мотивация к выбору места для новой деревни. «Мужчины одного из башкирских племен перед тем как выйти в путь, устроили совет и приняли такое решение: «Сейчас мы пустимся в дорогу. Где сломается колесо телеги, там и будет наша деревня». Как раз на этом месте их колесо и раскололось» [13, с. 97]³.

Раскалывание колеса именно на удобном для проживания месте также указывает на его божественную предопределенность: «с одной стороны течет река, на другой – стоит лес. Почему

¹ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

² Перевод с башкирского языка на русский произведен автором статьи.

³ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

бы здесь не поселиться? Вождь племени Сагит с товарищами решили обосноваться здесь на века и назвали деревню “Кучарсынды”» [13, с. 97]¹.

Таким образом, в данном предании знак, посланный высшими силами, служит своеобразной «гарантией» покровительства богов, их оберегом от злых сил. В народном сознании плодородие земли, милостивость природы на новом месте также напрямую зависит от сакрального характера произошедшего здесь события. Нужно отметить довольно широкий ареал распространения данного мотива на территории Урала-Поволжья. Он является сюжетообразующим и в истории села Казма Мамадышского района Республики Татарстан [23, с. 156–157].

Другим проявлением божественного знака является обнаружение металлических монет на месте предполагаемого поселения, что отчетливо проявляется в истории села Очтиен Караидельского района («өч тиен» в переводе на русский означает «три копейки». – *И. Ф.*). «Один путник нашел здесь трехкопеечную монету и сказал: – Обошел я весь мир, много чего перевидал, да счастья так и не нашел. Не зря я наткнулся сегодня на эти три копейки, наверное, это – знак Творца. Не найти мне лучшей земли, нужно здесь поселиться» [15, с. 33]². Как видно из текста, металлическая монета, обнаруженная на новом месте, выступает в роли божественного знака, указывающего переселенцу место будущего поселения. Функция монеты как средства финансового оборота здесь несущественна, так как «золото и серебро еще не играли у варваров роли денег – преобладал обмен в непосредственно натуральной форме... <...>. В варварском обществе оно было не средством товарного обмена и не источником накопления, не столько пускалось в оборот, сколько выполняло важную знаковую функцию» [28, с. 196]. На это же указывает и Н. А. Криничная: «сокровища в представлении людей того времени обладали сакраментальной силой. В них как бы материализовались счастье и успех их обладателей» [9, с. 114–115]. Следовательно, и в нашем случае нахождение металлических монет на новом месте представляется переселенцу как залог его будущего земного счастья. Оно возможно лишь там, где произошло это «чудо», и поэтому служит мотивацией для осознанного выбора места поселения.

Осуществление на новом месте заветной мечты первопоселенцев также может служить знаком божественного предопределения, что является сюжетообразующим мотивом в предании об истории села Телякеево Илишевского района [16, с. 51]. Заветной мечтой человека здесь служит удовлетворение жизненных потребностей земледельца, то есть достижение высокого урожая. Предание повествует о том, как одна из групп татар-переселенцев остановилась здесь на временное проживание. Засеяв для пробы окрестные луга, люди исполнили молитвенный обряд, попросив у высших сил дожди и, как следствие, высокий урожай. Их мечты сбылись, лето оказалось дождливым, а земля плодородной. Обрадованные люди сказали: «Наша мечта осуществилась, значит, боги покровительствуют нам. Не будем искать нового места, поселимся здесь» [16, с. 151]³. Таким образом, осуществленное желание – достижение щедрого урожая на предполагаемом месте нового поселения, расценивается людьми как знак божественного предопределения, сообщающий им волю высших сил. В свою очередь, событийное проявление данного знака служит мотивационной основой для имянаречения деревни Телякеево («телэкэй» в переводе на русский означает «место, где сбываются желания». – *И. Ф.*).

Как известно, чтобы оградить себя от злых духов, человек в древнем обществе использовал различные магические ритуалы. Например, до достижения совершеннолетия ребенка называли «вторым именем» – кличкой животного или птицы [29, с. 14]. Поэтому можно предположить, что наречение деревни также было магическим ритуалом, призванным уберечь жителей от их колдовских чар. К сожалению, до нас не дошли сведения о порядке проведения данного обряда, хотя в преданиях северо-западного Башкортостана есть прямая отсылка на его бытование.

¹ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

² Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

³ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

Так, в одном из вариантов предания об истории села Ишле Аургазинского района [14, с. 24], расположенного на юго-западе Башкортостана, рассказывается о том, что после основания деревни несколькими семьями переселенцев из Заказанья, внезапно начинается падёж их домашней скотины. Решив, что причина этого – земля, они переезжают на новое место, но и здесь повторяется та же напасть. «Однажды к ним забрел дедушка по имени Кузак и объяснил причину этого несчастья: – Вы здесь умножились, превратились в маленькую деревню, но до сих пор не нарекли её. Назовите деревню Ишле, – сказал он. Народ подумал и, согласившись с дедом, дал селу название Ишле («ишле» в переводе на русский означает «многолюдный, многочисленный»). – *И. Ф.*» [14, с. 24]¹.

Таким образом, наречение деревни расценивается здесь как магический ритуал, призванный уберечь жителей от бедствий, а дед Кузак, давший людям этот мудрый совет, возводится в ранг посредника между божественными силами и людьми. На примере данного предания можно наглядно представить значение обряда наречения села в древнем обществе.

Заключение

Проведенная исследовательская работа позволила сделать следующие выводы: во-первых, мифологические мотивы, основанные на сакральных культах, играют большую роль в преданиях об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана. Во-вторых, сюжетообразующие мотивы во многих из них восходят к наречению поселения именем тотемного животного – «хозяина местности» или «строительной жертвы», увековечению в ойкониме «божественного знака», что объясняется стремлением первопоселенцев магическими средствами обеспечить себе счастливое будущее на новом месте. Отсутствие названия поселения грозит большими бедами его жителям. В результате этого, отдельные произведения данной жанрово-тематической группы преданий получают легендарный характер. В-третьих, в качестве объектов культового поклонения в них выступают такие «священные» животные и птицы как конь, белый или черный баран, медведь, голубь, дикий гусь, что является общим для многих народов Европы и Азии. В-четвертых, в преданиях, основанных на мотиве «божественного предопределения» отчетливо проявляются как анимистические, так и тотемистические и фетишистические культы, в частности, культы металлических монет, сокровищ и т. д., которые выступают в тесной взаимосвязи с реальной историей народа, с его жизненными потребностями.

Таким образом, предания об историях сел и деревень северо-западного Башкортостана являются синтезом мифологических воззрений башкирского и татарского народов с их исторической памятью. Детальное освещение многих поднятых в статье вопросов требует коллективных усилий собирателей и исследователей устного народного творчества.

Литература

1. Телия В. Н. Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация: виды наименований / ответственные редакторы Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1977. – С. 129–221.
2. Киякбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимики // Ученые записки Башкирского государственного педагогического института им. К. А. Тимирязева. – Вып. VIII, серия филологическая, № 2. – Уфа : [б. и.], 1956. – С. 230–247.
3. Шәкүр Р. З. Исемдәрҙә – ил тарихы; тикшеренеүҙәр, мәҡәләләр. – Өфө : Китап, 1993. – 256 с. (На башкирском яз.)
4. Шакуров Р. З. По следам географических названий: топонимия бассейна реки Демы. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1986. – 180 с.
5. Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1991. – 300 с.
6. Камалов А. А., Камалова Ф. У. Атайсал. – Өфө : Китап, 2001. – 544 с. (На башкирском яз.)

¹ Перевод с татарского языка на русский произведен автором статьи.

7. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа : Китап, 2009. – 744 с.
8. Урманче Ф. И. Проблемы национальной истории // Академик Мирфатых Закиев. К семидесятилетию / редакторы-составители Ф. И. Урманче, Х. Ш. Махмутов. – Москва : Инсан, 1998. – С. 85–131.
9. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза : вопросы генезиса и структуры. – Ленинград : Наука, 1987. – 232 с.
10. Башкорт халык ижады. Риүәйәттәр, легендалар / төзөүсене, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы Фәнүзә Нәзершина ; яуаплы редакторы Кирәй Мәргән. – Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1980. – 414 с. (На башкирском яз.)
11. Башкирское народное творчество. Предания и легенды / составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ф. А. Надршина ; ответственный редактор Л. Г. Бараг. – Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1987. – 573 с.
12. Ахметшин Б. Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Южного Урала. – Уфа : Китап, 2001. – 288 с.
13. Башкортстан татарлары фольклоры. Риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төзүче, кереш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов ; фәнни мөхәррире Ә. М. Сөләйманов. – Уфа : Китап, 2018. – 344 б. (На татарском яз.)
14. Башкортстан татарлары фольклоры. Көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов ; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. – Казан : ТӘҺСИ, 2021. – 312 б. (На татарском яз.)
15. Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов ; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. – Казан : ТӘҺСИ, 2021. – 296 б. (На татарском яз.)
16. Башкортстан татарлары фольклоры. Үзәк һәм төньяк-көнбатыш районнар / төзүче, кереш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов ; фәнни редакторы К. М. Миңнуллин. – Казан : ТӘҺСИ, 2021. – 304 б. (На татарском яз.)
17. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек : 3 томда. I т. (А–Г). – Казан : Мәгариф, 2008. – 303 б. (На татарском яз.)
18. Нәзершина Ф. А. Риүәйәт һәм легендаларза – халык тарихы. – Тулыландырылган басма. – Өфө : Китап, 2011. – 360 с. (На башкирском яз.)
19. Фазлетдинов И. К. Стәрлебаш районы татарлары риваятьләренә тарихи һәм мифологик нигезләре // Милли-мәдәни мирасыбыз: Башкортстан татарлары. Стәрлебаш. 1 нче кисәк / төзүче Н. Ш. Насыйбуллина ; фәнни мөхәррир И. И. Ямалтдинов. – 2 нче басма. – Казан : ТӘҺСИ, 2021. – Б. 406–435. (На татарском яз.)
20. Урманчеев Ф. И. Развитие татарского фольклора в контексте «Запад-Восток // Очерки по истории татарской культуры (в контексте «Запад-Восток») / под редакцией М. З. Закиева, Ф. И. Урманчеева, А. И. Садековой. – Казань : Фикер, 2001. – С. 300–348.
21. Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар. Беренче китап / Галимжан Гыйльманов хикәяләвендә. – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1996. – 388 б. (На татарском яз.)
22. Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. – Москва : Наука, 1964. – 399 с.
23. Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар / томны төзүче, кереш мәкәлә һәм искәртмәләргә язучы С. М. Гыйләжетдинов ; фәнни редакторы Х. Ш. Мәхмүтов. – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1987. – 368 б. (На татарском яз.)
24. Гилязутдинов С. М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 2000. – 32 с.
25. Тайлор Э. Б. Первобытная культура / перевод с английского Д. А. Коропчевского ; предисловие и примечания А. И. Першица. – Москва : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1989. – 576 с.
26. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек : 3 томда. II т. (Д–С). – Казан : Мәгариф, 2009. – 343 б. (На татарском яз.)
27. Әхмәтйәнов К. Ә. Поэтик образлылык. Икенсе китап. – Өфө : Китап, 1994. – 192 с. (На башкирском яз.)

28. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – Москва : Искусство, 1972. – 318 с.

29. Дмитриев С. В. Мотив подмены младенца в сказках, легендах, преданиях // Фольклор народов РСФСР : межвузовский научный сборник / ответственный редактор Л. Г. Барг. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1990. – С. 12–18.

References

1. Telia V. N. Secondary nomination and its types. In: Language nomination: types of names. Edited by B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 129–221. (In Rus.)
2. Kiyekbayev J. G. Issues of Bashkir toponymy. In: Scientific notes of the Bashkir State Pedagogical Institute named after K. A. Timiryazev. Iss. VIII, philological series, no. 2. Ufa, 1956, pp. 230–247. (In Rus.)
3. Shakur R. Z. In the names – the land's history: studies, articles. Ufa, Kitap Publ., 1993, 256 p. (In Bashkir)
4. Shakurov R. Z. Following the geographical names: toponymy of the Dema river basin. Ufa, Bashkir Publ. House, 1986, 180 p. (In Rus.)
5. Hisamitdinova F. G. Bashkir oikonymy of the XVI–XIX centuries. Ufa, Bashkir Publ. House, 1991, 300 p. (In Rus.)
6. Kamalov A. A., Kamalova F. U. The motherland of the fathers. Ufa, Kitap Publ., 2001, 544 p. (In Bashkir)
7. Asfandiyarov A. Z. History of villages and villages of Bashkortostan and adjacent territories. Ufa, Kitap Publ., 2009, 744 p. (In Rus.)
8. Uрманче F. I. Problems of national history. In: Academician Mirfatykh Zakiev. To the seventieth anniversary. Editors-compilers F. I. Uрманче, H. Sh. Makhmutov. Moscow, Insan Publ., 1998, pp. 85–131. (In Rus.)
9. Krinichnaya N. A. Russian folk historical prose: questions of genesis and structure. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 232 p. (In Rus.)
10. Bashkir folk art. Lore and legend. Compiled, preface and commentary by F. A. Nadrshina; edited by Kirei Mergen. Ufa, Bashkir Publ. House, 1980, 414 p. (In Bashkir)
11. Bashkir folk art. Lore and legend. Compiled, preface and commentary by F. A. Nadrshina; edited by L. G. Barag. Ufa, Bashkir Publ. House, 1987, 573 p. (In Rus.)
12. Akhmetshin B. G. Mining folklore of Bashkortostan and the South Urals. Ufa, Kitap Publ., 2001, 288 p. (In Rus.)
13. Folklore of the Tatars of Bashkortostan: legends, stories, oral stories. Compiled, preface and commentary by I. K. Fazludinov; edited by A. M. Suleimanov. Ufa, Kitap Publ., 2018, 344 p. (In Tatar)
14. Folklore of the Tatars of Bashkortostan: Western and South-Western regions. Compiled, preface and commentary by I. K. Fazludinov; edited by K. M. Minnullin. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 2021, 312 p. (In Tatar)
15. Folklore of the Tatars of Bashkortostan: Northern and North-Eastern regions. Compiled, preface and commentary by I. K. Fazludinov; edited by K. M. Minnullin. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 2021, 296 p. (In Tatar)
16. Folklore of the Tatars of Bashkortostan: Central and North-Western regions. Compiled, preface and commentary by I. K. Fazludinov; edited by K. M. Minnullin. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 2021, 304 p. (In Tatar)
17. Uрманчев F. I. Tatar mythology. Encyclopedic dictionary. In three volumes. Vol. I: (A–D). Kazan, Magarif Publ., 2008, 303 p. (In Tatar)
18. Nadrshina F. A. In lores and legends – the history of the people. Expanded edition. Ufa, Kitap Publ., 2011, 360 p. (In Bashkir)
19. Fazludinov I. K. Historical and mythological foundations of Tatar legends of Sterlibash district. In: National and cultural heritage: Tatars of Bashkortostan. Sterlibash. Part 1. Compiled by N. Sh. Nasibullina; edited by I. I. Yamaltdinov. 2nd ed. Kazan, Institute of Language, Literature and Art Publ., 2021, pp. 406–435. (In Tatar)
20. Uрманчев F. I. Development of Tatar folklore in the context of “West-East”. In: Essays on the history of Tatar culture (in the context of “West-East”). Edited by M. Z. Zakiev, F. I. Uрманчев, A. I. Sadekova. Kazan, Fiker Publ., 2001, pp. 300–348. (In Rus.)
21. Tatar myths: deities, beliefs, spells, omens, rituals. Book I. Compiled by G. Kh. Gilmanov. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1996, 388 p. (In Tatar)

22. Tokarev S. A. Early forms of religion and their development. Moscow, Nauka Publ., 1964, 399 p. (In Rus.)
23. Tatar folk art. Lore and legend. Compiled, preface and commentary by S. M. Gilyazutdinov; edited by H. Sh. Makhmutov. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1987, 368 p. (In Tatar)
24. Gilyazutdinov S. M. Tatar historical lore and legends and their artistic features. Abstract of the dissertation of Candidate of Philological Sciences. Kazan, 2000, 32 p. (In Rus.)
25. Tylor E. B. Primitive culture. Translated from English by D. A. Koropchevsky, foreword and notes by A. I. Pershits. Moscow, State Publ. House of Political Literature, 1989, 576 p. (In Rus.)
26. Urmancheev F. I. Tatar mythology. Encyclopedic dictionary. In 3 volumes. Vol. II: (D–S). Kazan, Magarif Publ., 2009, 343 p. (In Tatar)
27. Akhmedyanov K. A. Poetic imagery. Book II. Ufa, Kitap Publ., 1994, 192 p. (In Bashkir)
28. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, 318 p. (In Rus.)
29. Dmitriev S. V. The motif of baby substitution in fairy tales, legends, lores. In: Folklore of the peoples of the RSFSR. Interuniversity scientific collection. Edited by L. G. Barag. Ufa, Bashkir State University Publ., 1990, pp. 12–18. (In Rus.)